

VII САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2022)

31 марта – 1 апреля 2022 года состоялся VII Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК-2022) «Новое индустриальное общество второго поколения (ННО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геоэкономической реальности».

Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития имени С. Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России.

Пленарное заседание было впервые проведено в формате совместного заседания Конгресса, Секции экономики Отделения общественных наук РАН и Научно-координационного совета РАН по проблемам социально-экономического прогнозирования.

Редакция журнала продолжает публиковать статьи, подготовленные на основе докладов участников пленарного заседания (часть статей опубликована в №2(72) 2022 г. журнала «Экономическое возрождение России»).

DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-5-17

*В. А. Крюков*¹

О НЕОБХОДИМОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКТИВНОЙ СТРУКТУРНОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ^{2,3}

Рассмотрены отличительные особенности экономики Азиатской России. Показана усиливающаяся роль в экономике восточных регионов страны первых переделов, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. Отмечается значительное снижение участия

¹ Валерий Анатольевич Крюков, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (630090, РФ, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17), академик РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: kryukov@ieie.nsc.ru.

² Статья подготовлена в рамках исследований по проекту «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий» (грант Министерства науки и высшего образования России № 13.1902.21.0016).

³ Подготовлено по материалам доклада на VII Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2022) «Новое индустриальное общество второго поколения (ННО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геоэкономической реальности». 31 марта – 1 апреля 2022 г.

территорий не только в переработке добываемого сырья, но и в поставках оборудования и оказании производственно-технологических услуг сервисного характера. Преодолеть данные диспропорции можно только при реализации активной пространственной и структурной политики, важной особенностью которой является взаимосвязь и взаимообусловленность шагов и мер налогового, тарифного, научно-технологического регулирования конкретных проектов.

Ключевые слова: Азиатская Россия, пространственная и структурная политика, управление природными ресурсами, договорные отношения, высокотехнологичные рабочие места.

УДК 330.352

Введение

Вопросы пространственной и структурной политики входят в число ключевых задач, связанных с определением путей и средств достижения целей социально-экономической политики любой страны на протяжении продолжительного времени. Начало обсуждения и поиска подходов к их реализации связано со стремительным развитием производительных сил в период индустриализации – с середины XIX столетия.

Пространственная политика была направлена прежде всего на вовлечение в экономические процессы (сначала – обмена, затем – торговли, а в последующем – и кооперации) потенциала территорий, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии. С течением времени пришло понимание того, что важен не столько выход на новые рынки реализации уникальной продукции (и услуг), получаемой на той или иной территории, сколько результат этого процесса. А результат состоит в широкой гамме эффектов, которые могут быть получены в процессе обмена, торговли и кооперации.

На начальном этапе преобладали чисто коммерческие интересы: продажа продукции с выгодой для того, кто принимает риски, связанные с развитием различных видов экономической активности на определённой территории. В дальнейшем перечень эффектов расширился, и в настоящее время всё в большей степени речь идёт об экологической и социально-экономической отдаче для участников обмена, торговли и кооперации. Отход от однобокого понимания эффектов пространственного развития связан со многими факторами и обстоятельствами. К числу важнейших относятся уровень жизни, устойчивость темпов социально-экономического развития, состояние природной среды и пр.

Переход от чисто «обменного» (коммерческого) понимания эффектов пространственного развития в контексте взаимодействия экономики различных территорий, как правило, обусловлен двумя важнейшими обстоятельствами: развитием транспортной инфраструктуры; расширением и углублением процессов разделения труда – диверсификации экономики и усиления её социальной направленности.

Как правило, изменения экономики и социальной сферы в отмеченных направлениях ведут к значительному повышению частоты взаимодействий экономических агентов (транзакций), приводя к постепенному (поступательному или эволюционному) изменению значимости эффектов пространственного взаимодействия (усилению их социальной и экологической направленности), а также шагов и мер, связанных с их достижением. Указанные изменения составляют суть пространственной и структурной политики в стране в тот или иной период.

Данные процессы могут развиваться как эволюционным путём, так и с помощью целенаправленной политики государства (путём мер и преобразований в экономике и пространственной среде). В чистом виде в современных условиях ни одна из этих мо-

делей не встречается – как правило, имеет место определённое (более чем подвижное) соотношение эволюционной и целенаправленной составляющих. Рассмотрению данных вопросов посвящено множество работ в рамках «новой экономической географии» и «эволюционной экономической географии».

Мы считаем, что соотношение эволюционной и целенаправленной составляющих экономических политик в определённой стране в каждый период времени отличается значительным своеобразием. На него влияет множество причин и обстоятельств: географические особенности, характеристики ранее созданных инфраструктурных активов, размеры и динамика внутреннего рынка и др.

Важную роль играет экономическая среда – система норм, правил и процедур, обеспечивающих взаимодействие экономических агентов для достижения целевых ориентиров. Вместе с тем сама по себе среда не всегда обеспечивает развитие социально-экономических процессов (в рассматриваемом случае – развитие определённой территории). Для поступательного развития в необходимом направлении требуются определённые исходные инфраструктурные и материально-технологические условия взаимодействия экономических агентов. Только затем, по мере развития экономики и социальных условий, создаётся «плотность» экономической среды, обеспечивающая устойчивую динамику дальнейшего развития как экономики и социальных возможностей, так и инфраструктурных и прочих важных материально-технологических условий. Ключевая проблема состоит в создании на определённых территориях внутренних импульсов дальнейшего социально-экономического развития.

Отмеченные выше особенности отчётливо проявляются на примере Азиатской России – территории страны к востоку от Урала. Для неё характерны не только значительные территориальные рамки, но и очаговый (скорее – анклавный) характер экономической деятельности. Основная экономическая активность концентрируется либо в локальных центрах вокруг и в непосредственной близости от освоения уникальных источников природного сырья, либо в индустриальных центрах, расположенных вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. К числу принципиальных особенностей пространственной и структурной политики относится учёт специфики процессов освоения и формирования социально-экономических эффектов, обусловленных освоением колоссального природно-ресурсного потенциала территории. Это отчётливо видел и понимал выдающийся реформатор России П. А. Столыпин. В частности, в проекте о преобразовании государственного управления России (май 1911 г.) он предусматривал создание Министерства по обследованию, использованию и эксплуатации недр России. При этом отмечалось: «Недостаток железных дорог, а главное недостаток финансовых средств, лишает возможности использовать богатства государства и создать промышленность, которая при более чем достаточном количестве необходимого сырья может дать многим миллионам людей необходимый заработок и вместе с тем обогатить государство и поднять уровень жизни всего населения России. К большому несчастью России, в силу некоторых обстоятельств, в составе правительства не было лиц, которые могли бы найти правильный подход к использованию богатств России» [1, с. 77–78].

Активная пространственная и структурная политика, основанная на единстве вертикальной интеграции и горизонтальной кооперации

Разработка и реализация активной пространственной и структурной политики на территории Азиатской России имеет более чем столетнюю историю. Обширные пространства России, рассредоточенность её природного потенциала, разнообразие культурных, исторических традиций и условий, а также географическое положение между

Европой и Азией, Севером и Югом, Западом и Востоком – эти и многие другие особенности влияют, определяют и формируют область допустимых и приемлемых подходов к решению социально-экономических задач развития страны на протяжении длительного времени.

Учёт пространственных особенностей всегда был и будет важнейшей задачей при определении и реализации направлений развития экономики нашей страны. По мере усложнения решаемых задач, связанных в том числе с продвижением на север и на восток, усиливалось понимание того, что предприимчивым людям всё труднее осуществлять задуманное в одиночку. Данное обстоятельство осознавалось и государством, что отчётливо проявилось в процессе становления и развития горнозаводской промышленности Урала в XVIII – начале XIX в. Для решения задач, связанных с освоением природных богатств Урала и получением необходимой для казённых нужд продукции (прежде всего для армии) была создана система горного управления не только на общегосударственном, но и на территориальном уровне – там, где непосредственно создавались и развивались горные предприятия. Принципиальная особенность российского подхода, который был тогда разработан и реализован, состояла в рассмотрении в качестве объекта управления «связки» горнодобывающих (промыслов, рудников) и горнометаллургических (заводов) предприятий: «Основным предметом регламентации наших горных законов вообще служат «горные промыслы» и «горные заводы»» [2, с. 94]. Тем самым обеспечивалась реализация целей пространственной и структурной политики одновременно. Данный подход в связи с переходом к системе централизованного планирования и управления получил новый импульс дальнейшего развития. Так, уже в 1920 г. С. И. Гусев отмечал: «Работа по составлению горизонтальных производственных программ теснейшим образом связана и с учетом, и с распределением, и с осмыслением опыта хозяйственного строительства и хозяйствования...» [3, с. 89]. Чрезвычайно важной представляется его «геометрическая интерпретация» данной проблемы: «Система перекрещивающихся вертикального и горизонтального централизма и соответственно перекрещивающихся горизонтальной и вертикальной автономии есть система социалистического централизма. Отнимите у этой системы горизонтальный централизм, и вы получите единый государственный трест, подчиняющий себе территориальные производственные союзы. Отнимите у этой системы вертикальный централизм, и вы получите сумму ничем не связанных между собою производственных коммун, по частям подчиняющих себе единый государственный трест» [3, с. 90].

Возникает вопрос: какое сочетание вертикальных и горизонтальных централизма и автономии является уместным и приемлемым? В случае безусловного доминирования «вертикальных» с геометрической точки зрения мы имеем дело с прямоугольником, стоящим на очень узком неустойчивом основании. Напротив, в случае преобладания горизонтальных централизма и автономии мы получаем тот же прямоугольник с очень широким основанием и весьма незначительный по высоте. Ярким примером апробации различных подходов к поиску устойчивой «геометрии» решения масштабных экономических задач являются сибирские проекты. Уже в 1920–1930-е гг. началось активное обсуждение подходов к реализации таких проектов, как Урало-Кузнецкий комбинат⁴ [4] и Ангаро-Енисейская Проблема⁵ [5].

⁴ Кузнецкий гигант металлургии: сборник технических описаний. Новосибирск: ГосИздат – ЗапСиботд., 1932. 46 с.

⁵ Ангаро-Енисейская Проблема: труды Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. Т. XVI / под общ. ред. И. Т. Смилги. М.: Советская Азия, 1932. 418 с.

На начальном этапе в качестве основной организационной формы реализации комплексных проектов на востоке страны рассматривались комбинаты. Их роль состояла не только в обеспечении комплексного освоения и использования источников уникальных природных ресурсов, но и в формировании основы (каркаса) экономики и социальной сферы территорий Азиатской России. При этом в период интенсивной индустриализации в основе лежали вертикальные производственно-технологические связи, отражающие последовательно сменяющие друг друга переделы продукции (как правило, крупнотоннажной, в основном, энерго- и ресурсоемкой – металлов, целлюлозы, нефтепродуктов).

При этом государство выступало в роли единственного участника в процессах создания экономических объектов и последующего управления ими. Поэтому экономике данных территорий были изначально присущи тесная связь и взаимодействие всех составляющих проекта, а также жёсткая заданность (предопределённость) технологии и схемы взаимосвязей всех участников в их границах.

В последующем территориальные отраслевые комбинаты были «переформатированы» в ТПК – территориально-производственные комплексы для усиления отраслевого начала в управлении и решении экономических проблем, а также из-за значительного изменения структуры индустриальных комплексов на востоке страны в силу двух основных причин. Первая – эвакуация предприятий оборонного комплекса на восток страны в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. При этом многие предприятия остались в местах эвакуации и продолжали выпуск продукции оборонного назначения, имея, как правило, статус «дублеров» по отношению к материнским предприятиям, воссозданным в местах исходной дислокации. Вторая – усложнение внутренней структуры комбинатов и невозможность эффективного управления ими в условиях набравшей обороты научно-технической революции во второй половине XX в.

Акцент на создание ТПК во многом обусловлен ответом на отмеченные выше процессы и стремлением обеспечить горизонтальную интеграцию и кооперацию предприятий различных отраслей в рамках обширных территорий. Как правило, в ТПК входил ряд промышленных узлов, состоящих из отдельных тесно связанных производств⁶. В основе ТПК лежат идеи выдающихся советских экономгеографов Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского об «энергопроизводственных циклах» или комплексах технологически связанных производств, составляющих последовательно сменяющие друг друга переделы, как правило, относительно однородного сырья, и направленных на получение на выходе продукции с повышенной добавленной стоимостью⁷. Вопросы «встраивания» процессов получения новых знаний или организационно-экономических изменений в этом случае были мало значимы и во внимание практически не принимались. Среди основных причин – ориентация на стадию создания опреде-

⁶ «Выделение производства, специализации и взаимосвязанности элементов при образовании территориально-таксономических единиц послужило основой формирования специфической формы организации производительных сил, получившей позднее название территориально-производственных комплексов (ПТК или ТПК)» [6, с. 8].

⁷ «Итак, под энергопроизводственным циклом понимается вся совокупность производственных процессов, последовательно развертывающихся в экономическом районе СССР на основе сочетания данного вида энергии и сырья, от первичных форм – добычи и облагораживания сырья – до получения всех видов готовой продукции, которые можно производить на месте, исходя из приближения производства к источникам сырья и энергии и рационального использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов» [7, с. 144].

лётного комплекса производств в заданной структуре, а также отмеченный нами отраслевой (ведомственный) характер управления экономикой и, соответственно, принятия всех значимых решений по отдельным производствам. В СССР развитие ТПК так и не вышло из стадии создания первых энергоёмких переделов. Уже в 1950-е гг. стало ясно, что «Существенным недостатком современной машиностроительной промышленности Ангаро-Енисейского района является несоответствие между номенклатурой изделий, выпускаемых машиностроительными заводами, и потребностями района. Подавляющая часть машиностроительной продукции, производимой в районе, вывозится за его пределы и вместе с тем более двух третей его потребности в машинном оборудовании покрывают завозом из западных районов. В особенности это относится к обеспечению машинами и оборудованием угольной промышленности, цветной металлургии, лесозаготовок, строительства и сельского хозяйства...» [8, с. 90].

Ситуация с развитием горизонтальных взаимодействий и гибкой реакцией на появление новых видов продукции значительно усложнилась вследствие набиравших обороты процессов разделения труда в условиях научно-технологического прогресса. Увы, комбинаты и возрастающее количество «отраслевых штабов» (специализированных министерств и ведомств) не поспевали за данными процессами. «Геометрия» всё больше ассоциировалась с прямоугольником, имевшим узкое основание и весьма неустойчивым. Попытка формирования территориальных органов управления (совнархозов) с целью активизации горизонтальных взаимодействий никакого влияния не оказала. Безуспешной оказалась и попытка «коренной перестройки управления экономикой», в рамках которой был продекларирован курс на создание межотраслевых концернов и объединений⁸.

Следующая попытка формирования активной территориальной и структурной политики связана с кардинальной сменой экономической модели, переходом на принципы рыночной экономики и попыткой формирования устойчивых горизонтальных взаимосвязей в экономике отдельных территорий. При этом вертикальные (как правило, межрегиональные) экономические взаимодействия были отданы на откуп крупным корпорациям, осваивающим месторождения и, в основном, уникальные источники природных ресурсов (не только нефти и газа, но и полиметаллов, алмазов, лесных ресурсов Приангарья).

Горизонтальные связи предполагалось формировать на основе кластерного подхода. Данный подход должен был заложить условия горизонтального взаимодействия различных сфер экономической деятельности на определённой территории. «Кластер, или промышленная группа, – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга <...> Кластеры принимают различные формы в зависимости от своей глубины и сложности, но в большинстве случаев включают компании готового продукта, или сервисные компании; поставщиков специализированных факторов производства, компонентов машин, а также сервисных услуг; финансовые институты; фирмы в сопутствующих отраслях» [9, с. 207]. Развитие кластера, по замыслу сторонников их создания, идёт под преимущественным воздействием причин экономического характера: «В то время как для зарождения кластера существует множество возможных причин, развитие или не-

⁸ О коренной перестройке управления экономикой: сборник документов. М.: Политиздат, 1987. 255 с.

достаточное развитие кластеров оказывается значительно более предсказуемым. Несмотря на то, что гарантий развития кластера не существует, после начала процесса наблюдается нечто вроде цепной реакции, в которой достаточно быстро начинают прослеживаться причинно-следственные связи» [9, с. 248].

Принципиальной особенностью кластера является запуск цепной реакции – формирование и развитие компаний, представляющих различные взаимодополняющие виды экономической деятельности. Однако данное явление наблюдается далеко не всегда. В природно-ресурсном секторе (в горнодобывающей промышленности и в отраслях, связанных с освоением возобновляемых природных ресурсов) формирование предпосылок становления и развития кластера, как правило, связано с деятельностью крупной (транснациональной или трансрегиональной) компании. Поэтому, как отмечается в работе [10], динамика кластера в сырьевом секторе в значительной степени зависит от того, как формируются и развиваются отношения между данной компанией и компаниями, предоставляющими широкий спектр производственно-технических и научно-производственных услуг, а также более мелкими и средними горнодобывающими компаниями. Изучение данного вопроса на примере горнорудного сектора Чили привело исследователей к следующему выводу: для объяснения роли крупных компаний в региональной (локальной) экономике и определения различных форм организации локальной экономической деятельности необходимо ввести различие между горнодобывающим анклавом и кластером. Одним из принципиально новых моментов в развитии горнорудной промышленности в мире (Россия не исключение) является то, что наблюдаемые на протяжении последних 20 лет изменения в глобальной ресурсной отрасли связаны с поступательно увеличивающейся ролью аутсорсинга и субконтрактных услуг, а также возрастающим обратным влиянием на эти процессы сервисных поставщиков. Отличительная особенность анклава – безусловное доминирование среди «группы географически соседствующих компаний» крупной компании. Все возможные направления развития форм и рамок взаимодействия в данной группе определяются и задаются крупной компанией. Именно это позволяет определить подобную группу не как кластер, а как анклав, т. е. относительно замкнутую и жёстко субординированную группу компаний.

Особенность современной ситуации в экономике России в целом, тем более в её азиатской части, состоит в том, что нигде в стране (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) нет условий и предпосылок для саморазвития процессов пространственной самоорганизации на основе «классического кластерного подхода». Например, в Сибири (прежде всего в Ангаро-Енисейском регионе) продекларировано создание «кластеров», которые являются, по нашему мнению, промышленными узлами (анклавами) групп объектов узкоотраслевой специализации. Переход от анклавов к полноценным кластерам связан с формированием и реализацией активной целенаправленной пространственной и структурной политики. В её основе лежат научно-техническая и промышленная политики, учитывающие пространственные особенности рассматриваемой территории. Другие её важнейшие составляющие (такие, как социально-экономическая отдача) теснейшим образом связаны и встроены в процессы определения и регулирования научно-технических и промышленных вопросов и решений.

В настоящее время в основе реализуемого в стране подхода лежит создание различных форм территориальной концентрации разных сфер хозяйственной деятельности: от кластеров до СЭЗ (свободных экономических зон), ТОР (территорий опережающего развития) и т. д. При этом вопросам стимулирования формирования и развития кооперационных межфирменных взаимодействий не уделяется должного внимания. Основная цель – развитие видов и направлений экономической деятельности, отвеча-

ющих требованиям текущей коммерческой эффективности. К сожалению, в значительном числе случаев коммерческая эффективность в природно-ресурсном секторе обеспечивается не столько технологическими и инновационными решениями, сколько за счёт и в рамках создания и применения преференциальных налоговых режимов при освоении уникальных природных объектов (и реализации тем самым фактора «экономии на масштабе» (economies of scale⁹).

Анализ применения данных режимов привел Счётную палату РФ к выводу о том, что преференциальные режимы не оказывают прорывного влияния на экономику; при этом сложно дать полноценную оценку их эффективности. В то же время на работу особых зон было потрачено 240 млн рублей, но эффект от них почти не виден¹⁰.

Следствием отсутствия целенаправленной пространственной и структурной политики, например на территории Сибирского федерального округа, является усиление сырьевого характера экономики – за последние 15 лет в структуре его ВРП в 2,2 раза выросла доля добычи полезных ископаемых, а доля обрабатывающих производств снизилась на треть. Поэтому, например, в экономике Сибири устойчива тенденция увеличения доли начальных переделов переработки сырья. Нарастает фрагментация экономического пространства Азиатской России – компании по добыче и освоению природных ресурсов (в Арктическом и Северном поясе) всё в меньшей степени используют производственно-технологический потенциал городов индустриального пояса. Ресурсные компании слабо участвуют в развитии машиностроения и в создании в городах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали современных производственно-технологических сервисов.

Шаги и меры – акцент на регулирование кооперационных проектов

Проблемы пагубного воздействия однобокой сырьевой направленности экономики ресурсных территорий имеют всеобщий характер. Так, в «стандартный перечень проблем», с которыми сталкиваются «ресурсные города» в Канаде, входят¹¹:

- 1) нестабильность экономики и во многих случаях её неустойчивость – изменения носят характер скачка в период резкого роста деловой активности;
- 2) несбалансированная демографическая ситуация как на стадии строительства, так и на стадии эксплуатации месторождения полезных ископаемых, для освоения и разработки которого создаётся населённый пункт;
- 3) изолированность как физическая, так и психологическая (особенно в случае освоения удалённых месторождений, содержащих уникальные полезные ископаемые);
- 4) необходимость значительных инвестиций в создание адекватной производственной и социальной инфраструктуры;
- 5) социальные, этнические и культурные проблемы;
- 6) проблемы управления – распределение ответственности на предплановой и плановой стадиях, на стадиях финансирования, строительства и управления с учётом специфики различных действующих лиц, а также различных стадий развития поселений.

⁹ Ст. «Economies of scale» // Словарь современной экономической теории Макмиллана / общ. ред. Д. У. Пирса; пер. с англ. М.: Инфра-М, 1997. С. 147.

¹⁰ Счётная палата не увидела прорывного эффекта от особых экономических зон: URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8eb2679a79477a36b61c5f> (дата обращения: 26.05.2022). На работу особых зон потратили 240 млн рублей. Эффект от них почти не виден: URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/02/24/14569195.shtml> (дата обращения: 26.05.2022).

¹¹ Resource Communities: a Decade of Disruption / Ed. by Don D. Detomashi and John W. Gartrell. New York: Westview Press, 1984. 192 p.

Основной фактор нестабильности – зависимость от одной компании или одной отрасли, связанной с добычей или освоением какого-либо полезного ископаемого. Это обуславливает высокую степень изменчивости в уровнях как производства, так и занятости.

Уолтер Хикл, занимавший посты губернатора Аляски и министра внутренних дел (указанное ведомство в США занимается взаимоотношениями федерального правительства и властей штатов, а также проблемами природопользования), один из идеологов концепции штата-собственника, весьма прагматично смотрел, например, на проблему диверсификации экономики Аляски. Он считал, что штат (в данном случае Аляска) может «хорошо жить», оставаясь просто сырьевой территорией. По мнению У. Хикла, вполне достаточным является некоторое изменение структуры хозяйства, что не равнозначно глубокой диверсификации региональной экономики [11].

Решение проблемы диверсификации экономики подобных регионов осложняется как объективными условиями (расположение на значительном удалении от рынков сбыта продукции, неблагоприятные природно-климатические условия), так и субъективными, точнее – историческими (построенные в рамках предыдущей экономической системы города и городские поселения, а также сформированная для решения задач в рамках системы централизованного планирования общерайонная инфраструктура).

Все отмеченные условия ведут к удорожанию производства тех или иных товаров и предоставления тех или иных услуг, что значительно снижает конкурентоспособность региональной экономики. К числу факторов, повышающих конкурентные позиции региональной экономики, относятся наличие уникальных минерально-сырьевых ресурсов (как правило, имеющих комплексный состав полезных ископаемых), а также возможность получения относительно дешевой энергии, наличие водных и земельных ресурсов. Не менее важно в основном повышенное качество человеческого капитала в сырьевых регионах – это молодые люди, многие из которых имеют высокий уровень профессиональной квалификации.

Как правило, диверсификация экономики сырьевых территорий осуществляется при активном участии государства, которое не только устанавливает «правила игры», но и непосредственно участвует в реализации крупных инвестиционных проектов, связанных с развитием инфраструктуры региона. Например, в случае той же Аляски длительное время одним из крупнейших работодателей было Министерство обороны США, инженерный корпус которого занимался строительством «опорной» сети дорог, аэродромов, портов и инженерных коммуникаций.

По нашему мнению, основу активной пространственной и структурной политики составляет система мер и шагов, направленных:

- на создание, поддержку и развитие кооперационных связей в экономике как России в целом, так и её восточных территорий;
- гармонизацию отраслевого и регионально-проектного «разрезом» реализации проектов – объектом регулирования на региональном уровне является конкретное проектное мероприятие, а не деятельность компании, его реализующей;
- учёт уникальных региональных и местных условий.

В свою очередь, реализация проектов, учитывающих отмеченные обстоятельства, предполагает:

- отход от «унитарной» модели реализации проектов. В условиях современной турбулентной экономической ситуации нецелесообразно осуществлять реализацию проектов на востоке страны на принципах «анклавного» подхода. Кооперация, интеграция, сотрудничество и партнёрство являются ключевыми чертами и особенностями современной модели;

- договорные отношения по линии «государство – природопользователь»;
- ориентация не только (и не столько) на показатели финансовой доходности и выплату дивидендов, сколько на «эколого- (углеродно-), социально-экономическую отдачу» проектов;
- вовлечение местных сообществ не только в обсуждение, но и в процесс реализации проектов.

Что представляется особенно важным? В мировой практике (Норвегия, Канада, Австралия и др.) формирование и развитие пространственно распределённых цепочек создания стоимости (ценности) обеспечивается в процессе государственного управления (регулирования) процессами природо- и недропользования. Компании – пользователи природных ресурсов – берут на себя обязательства (зафиксированные в договорной форме) по развитию и использованию регионального научно-технологического, кадрового и промышленного потенциала. Последнее чрезвычайно важно и не ограничивается вопросами более глубокой и комплексной переработки сырья, а связано с использованием и развитием навыков и компетенций отечественных и региональных компаний – поставщиков различных видов услуг (которые во всё большей степени являются одним из движущих факторов изменения структуры экономики). Важнейшими индикаторами результативности данного процесса являются не только объём и динамика локализованных услуг и работ (с указанием их вида), но также количество и динамика созданных высокотехнологичных рабочих мест в региональной экономике.

Обеспечение эффективной и работающей связи между отраслями, предприятиями и территориями Азиатской России возможно в рамках:

- формирования пространственно и структурно ориентированных условий недропользования. Это означает, что компании, получающие права на освоение и разработку минерально-сырьевых ресурсов, одновременно берут на себя обязательства по использованию (иногда и развитию) продукции предприятий, расположенных на той или иной территории, а также местной рабочей силы, товаров и услуг (реализация подобного требования на практике означает внесение изменений в условия недропользования – не только с точки зрения круга дополнительных условий, но также и требований к поставщикам продукции и услуг);
- развития и совершенствования договорных форм взаимодействия власти и бизнеса в сфере социально-экономического партнерства;
- поддержки региональных и межрегиональных взаимодействий с учётом меняющихся ценовых пропорций на производимую продукцию и изменений в условиях функционирования отдельных предприятий различных компаний, входящих в состав той или иной цепочки создания добавленной стоимости.

Создание и реализация проектов на основе формирования и развития пространственно распределённых цепочек создания стоимости на территории Азиатской России могут быть осуществлены, например, в рамках следующих территорий:

- Центрально-Арктический макрорегион (полуостров Гыдан – полуостров Таймыр – Северо-Запад Якутии) и южная часть Ангаро-Енисейского макрорегиона (Красноярск – Иркутск – Абакан) – проекты, связанные с добычей энергоресурсов (нефти, газа, угля, полиметаллов), выпуском специализированного оборудования и развитием специализированных научно-технических услуг;
- Центрально-Сибирский макрорегион (Омск – Новосибирск – Томск – Новокузнецк – Красноярск – Иркутск) – производство горного оборудования, транспортных и подъёмных средств и механизмов, выпуск современных материалов, предоставление научно-технических услуг, подготовка кадров.

Основные рычаги и формы государственного присутствия в экономике при решении социально-экономических проблем Азиатской России не могут рассматриваться изолированно. К числу рычагов, особенно важных с точки зрения решения социально-экономических проблем востока России, следует отнести:

- реализацию государством своего права собственности, прежде всего на землю и недра, а затем и на те активы, которые ещё находятся в его руках (предприятия и социальные объекты). В мировой практике решения региональных проблем северных и удалённых территорий именно процедуры земле- и недропользования являются инструментом, позволяющим согласовывать интересы государства и бизнеса (земля и недра в очень редких случаях передаются в хозяйственное пользование без дополнительных условий, таких как поддержка регионального производственного потенциала и условия занятости местного населения – прежде всего);

- тарифную и ценовую политику – тарифы на перевозку грузов и прокачку углеводородов, цены на продукцию естественных монополий, как правило, также являются предметом переговоров государства и бизнеса;

- налоговую политику – в целом ряде случаев при выходе в экстремальные районы и районы, важные с точки зрения интересов государства, устанавливаются преференциальные режимы налогообложения (о результатах в случае несистемного подхода см. выше); в ряде случаев, например на Аляске, государство (прежде всего федеральное правительство) отказывается от взимания многих налогов и ориентируется не столько на прирост поступлений в бюджет, сколько на рост деловой активности и доходов граждан. Вспомним пример из недавней истории Норвегии – для реализации нового нефтегазового проекта на шельфе Баренцева моря компаниям-инвесторам были предоставлены существенные льготы по всем основным налогам. Основным аргументом стал не столько выход на приемлемую коммерческую эффективность проекта, сколько необходимость развития деловой активности (кластерных взаимодействий) в экономике провинции Финнмарк, непосредственно прилегающей к тому участку шельфа, на котором был реализован данный проект (освоение газоконденсатного месторождения «Снегурочка»).

Участие государства в реализации проектов и программ развития Азиатской России может осуществляться в разнообразных формах:

- соучастие в финансировании, прежде всего общерайонной инфраструктуры;
- предоставление гарантий участникам проекта при получении доступа к заёмным финансовым ресурсам;
- формирование условий реализации проектов (отмеченные выше процедуры предоставления прав пользования землей и недрами, налоговые преференции и пр.).

Роль государства как непосредственного участника проектов должна уменьшаться только по мере формирования в экономике Азиатской России условий, близких к тем, которые запускают процедуры внутрикластерных и межкластерных взаимодействий различных участников экономических процессов.

Список литературы

1. *Зеньковский, А.* Правда о Столыпине / А. Зеньковский. – М.: Аграф, 2002.
2. *Струкгов, В. Г.* Курс горного права / В. Г. Струкгов. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1907.
3. *Гусев, С. И.* Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат / С. И. Гусев // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920–1921 годов) / С. И. Гусев. – М.: Экономика, 1989. – С. 31–94.

4. Колосовский, Н. Н. Будущее Урало-Кузнецкого Комбината / Н. Н. Колосовский. – М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1932. – 136 с.
5. Шегляев, Ф. М. Ангаро-Енисейстрой /Ф. М. Шегляев [и др.]. – М.: Советская Азия, 1933. – 81 с.
6. Бандман, М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М. К. Бандман. – Новосибирск: Наука, 1980.
7. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958.
8. Школьников, М. Г. Ангаро-Енисейская проблема / М. Г. Школьников; под ред. академика В. С. Немчинова. – М.: Госпланиздат, 1958.
9. Портер, М. Э. Конкуренция / М. Э. Портер. – М.: Вильямс, 2000. – 495 с.
10. Bravo-Ortega C., Muñoz L. Mining services suppliers in Chile: A regional approach (or lack of it) for their development // Resources Policy. – 2021. – Vol. 70(C). – P. 1–45. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.06.001.
11. Хикл, У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / У. Хикл; пер. с англ. – М.: Прогресс, 2004. – 360 с.

References

1. Zenkovsky A. V. (2002). Pravda o Stolypine [The Truth about Stolypin]. Moscow: Agraf, pp. 77–78.
2. Strukgov V. G. (1907) Kurs gornogo prava [Course on Mining Law]. St. Petersburg: Tipografiya N. N. Skorokhodova, p. 94.
3. Gusev S. I. (1989) Yedinyy khozyaystvennyy plan i yedinyy khozyaystvennyy apparat. Ob yedinom khozyaystvennom plane: (Raboty 1920–1921 godov) [Unified Economic Plan and Unified Economic Apparatus. On a Unified Economic Plan (Works of 1920-1921)]. Moscow: Ekonomika, pp. 31–94.
4. Kolosovskiy N. N. (1932) Budushcheye Uralo-Kuznetskogo Kombinata [The Future of the Ural-Kuznetsk Industrial Complex]. Moscow; Leningrad: State Social and Economic Publishing House, 136 p.
5. Sheglyaev F. M., Vozdvizhenskiy V. I., Arkhangelskiy V. A., Ostroglazov G. I., Drobysheva G. N. (1933) Angaro-Yeniseistroy. Moscow: Sovetskaya Aziya, 81 p.
6. Bandman M. K. (1980) Territorial'no-proizvodstvennyye komplekсы: teoriya i praktika predplanovykh issledovaniy [Territorial Production Complexes: Theory and Practice of Preplanned Studies]. Novosibirsk: Nauka, p. 8.
7. Kolosovskiy N. N. (1958) Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya [The Basics of Economic Zoning]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, p. 144.
8. Shkolnikov M. G. (1958) Angaro-Yeniseyskaya problema [The Angar-Yenisei Issue]. Moscow: Gosplanizdat, p. 90.
9. Porter M. E. (2000) On Competition. Moscow: Williams, 495 p.
10. Bravo-Ortega C., Muñoz L. (2021) Mining Services Suppliers in Chile: A Regional Approach (Or Lack of It) For Their Development. Resources Policy, Vol. 70(C), p. 1–45. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.06.001.
11. Hickel W. J. (2004) Crisis in the Commons: The Alaska Solution. Moscow: Progress, 360 p.

V. A. Kryukov¹². Addressing the Need for Proactive Structural and Spatial Policies in Asian Russia. The paper reviews the distinctive features of the economy of Asian Russia. They show the increasing role in the economy of the East of the country of the first stages of extraction and primary processing of natural resources. At the same time there is a significant decrease in the degree of territorial participation not only in the processing of extracted raw materials, but also in the supply of equipment and the provision of industrial and technological support services. The author argues that these disproportions can be overcome only through the implementation of an active spatial and structural policy. An important feature of this policy is the interrelation and interdependence of steps and measures of tax, tariff, scientific and technological regulation of specific projects.

Keywords: Asian Russia, spatial and structural policy, natural resource management, contractual relations, high-tech jobs.

¹² *Valeriy A. Kryukov*, Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (17 pr. Akademika Lavrent'eva, Novosibirsk, 630090, Russia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, e-mail: kryukov@ieie.nsc.ru.